

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС:

*«БАНКОВСКИЙ БИЗНЕС И БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»*

ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 2

*УСТОЙЧИВОСТЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И
ИНСТРУМЕНТЫ ДОСТИЖЕНИЯ*

7 июня 2012 года

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>БОНГАРТЦ ЙОРГ, Председатель Правления ООО "Дойче Банк", Москва</i>	3
<i>М.И. СУХОВ, Заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	5
<i>САЛЬВАТОРЕ РОССИ, Член Правления, Заместитель генерального директора, Банк Италии, Рим</i>	7
<i>Е.А. РОМАНОВА, Заместитель директора Группы Финансовые институты региона ЕЕМЕА, "Стандарт энд Пурс", Москва</i>	8
<i>В.А. САФРОНОВ, Руководитель Главной инспекции кредитных организаций, Банк России, Москва</i>	9
<i>Г.А. ТОСУНЯН, Президент, Ассоциация российских банков, Москва</i>	10
<i>М.И. СУХОВ, Заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	12
<i>Е.А. РОМАНОВА, Заместитель директора Группы Финансовые институты региона ЕЕМЕА, "Стандарт энд Пурс", Москва</i>	12
<i>ЖАН-ФИЛИПП СВОРОНОС, Старший специалист по финансовому сектору, Институт финансовой стабильности, Банк международных расчетов, Базель</i>	13
<i>Н.Ю. НИКОЛАЕВА, Вице-президент, ЗАО КБ "Ситибанк", Москва</i>	15
<i>А.Ф. МАНОЙЛО, Председатель правления, Национальный резервный банк, Москва</i>	17
<i>В.А. САФРОНОВ, Руководитель Главной инспекции кредитных организаций, Банк России, Москва</i>	18
<i>Г.А. ТОСУНЯН, Президент, Ассоциация российских банков, Москва</i>	18
<i>М.И. СУХОВ, Заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	19
<i>БОНГАРТЦ ЙОРГ, Председатель Правления ООО "Дойче Банк", Москва</i>	20

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС

«БАНКОВСКИЙ БИЗНЕС И БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»
ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 2

«УСТОЙЧИВОСТЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ИНСТРУМЕНТЫ ДОСТИЖЕНИЯ»

Санкт-Петербург, 7 июня 2012 года

Модератор: Бонгартц Йорг - Председатель Правления ООО "Дойче Банк", Москва

Эксперты:

Николаева Наталья Юрьевна - Вице-президент, ЗАО КБ "Ситибанк", Москва

Романова Елена Александровна - Заместитель директора Группы Финансовые институты региона ЕМЕА, "Стандарт энд Пурс", Москва

Росси Сальваторе - Член Правления, Заместитель генерального директора, Банк Италии, Рим

Сафронов Владимир Алексеевич - Руководитель Главной инспекции кредитных организаций, Банк России, Москва

Сворнон Жан-Филипп - Старший специалист по финансовому сектору, Институт финансовой стабильности, Банк международных расчетов, Базель

Сухов Михаил Игоревич - Заместитель Председателя, Банк России, Москва

Тосунян Гарегин Ашотович - Президент, Ассоциация российских банков, Москва

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Доброе утро, дамы и господа!

Как вы видите, президиум уже собрался. Давайте еще подождем 1-2 минуты.

Итак, я приветствую вас на второй день нашего Конгресса. Я очень рад, что такое большое количество коллег собралось сегодня утром. Вчера был длинный день, еще более длинный вечер. К сожалению, я сам не смог участвовать, слышал, что бал банкиров удался.

Приветствую! Меня зовут Йорг Бонгартц, я председатель Правления «Дойче Банк» в России и имею удовольствие вести первую сессию сегодняшнего дня, которая посвящена вопросам устойчивости банковского сектора во время кризиса, инструменты регулирования, стабилизации. Какие цели и каким образом этих целей достичь. Естественно, мы вчера это обсуждали в течение многих часов. Финансовый кризис показал огромный дисбаланс, огромные недостатки во многих спектрах. И тем самым идет через период значительной реструктуризации, значительных изменений. Целая структура финансового сектора и финансовых институтов рассматриваются и меняются. Мы идем через процесс значительного уменьшения рисков, улучшения капитальной базы и ликвидности, улучшения процедур, систем управления рисками и улучшения прозрачности, например, на секторе деривативов.

Можно сказать, что после многих лет либерализации мы входили в фазу регулирования, и это новая фаза основывается более на основе правил, нежели принципов. Есть все еще много чего не было сделано, но за последние годы очень значительные шаги были уже сделаны и успехи уже видны.

Базельский комитет, как вы знаете, согласился на значительное рассмотрение всех капитальных требований, и все рамки практически были пересмотрены в течение меньше, чем 2 года. Первый раз вообще есть глобальные стандарты по требованиям ликвидности, есть новые и более жесткие правила по компенсации банковских служащих и много-много других еще новых правил и рамок.

Еще не известно, как все эти правила будут играть вместе и какой эффект они будут иметь, когда они все срабатывают вместе. Мы, наверное, видим регулятивные изменения в таких темпах, которые мы не видели с 30-х годов прошлого века. И эффект, как я сказал, кумулятивный эффект пока еще не известен. Как инвесторы видят эту ситуацию, но они пока рассматривают банковский сектор с некой осторожностью, капитализации банков по всему миру очень сильно снизились, и очень мало банков сейчас торгуются на биржах выше стоимости (неразборчиво).

Возникают еще риски из-за такой ситуации, что есть разные темпы имплементации новых правил, есть разные видения на национальном уровне, много будет зависеть от того, каким образом гармонизируются все эти международные новые правила с тем, чтобы у нас будет, скажем, синхронизированный подход к новым регулированиям. Так что очень важно, что на международном уровне договариваются и опять идут вместе для того чтобы эти новые правила и новые рамки действительно дают тот эффект, который желают.

Дополнительные угрозы, мы это всё видим на данный момент, дополнительные угрозы еще в связи с тем, что есть замедление роста разных экономик в Европе, в Азии, сигналы такие смешанные. Вопрос задается: насколько новые правила для финансового сектора сходятся с такими условиями, которые экономики мира на данный момент испытывают. И этот вопрос мы, наверное, тоже сегодня будем обсуждать.

Последний момент, который тоже сегодня на нашей сессии обсуждается, какова ситуация России в этих новых рамках, новых правилах, как российский регулятор себя чувствует, как видит он эффект на российскую банковскую систему. Естественно, как и банкиры с этой системой ожидают ближайшие годы работать и растить свой бизнес в этих новых правилах.

Я очень рад, что собрался президиум из очень разных специалистов. Я думаю, что у нас будет очень интересная дискуссия по этому поводу. Разрешите кратко представить участников. Я начинаю справа.

Владимир Сафронов - Руководитель Главной инспекции кредитных организаций, Банк России. Он в системе Банка России много-много лет, работал в середине 90-х годов до работы в Банке России как консультант в аналитическом центре Совета Федерации, и уже с 1995 года в разных позициях в Центральном банке, в основном занимается вопросами регулирования и надзора.

Наталья Николаева, многим из вас уже известна – управляющий директор и глава по отношению с государством «Ситибанка». У нее почти юбилей, она один из первых сотрудников «Ситибанка» здесь в России, работает здесь с 1993 года. Она занималась не только вопросами отношения с государственными структурами, но и работала, особенно во время кризиса 1998 года в области кредитного управления и занималась эффектами финансового кризиса тогда. То есть практический опыт с кризисом у Натальи, естественно есть.

Гарегин Тосунян. Если его адекватно представить, наверное, я могу разговаривать 1,5 часа. Я сокращаю. Это Гарегин Тосунян, как вы знаете, Президент Ассоциации российских банков. И он на самом деле один из людей первого часа Ассоциации российских банков, участвовал в создании этой ассоциации. У него конечно тоже есть практический опыт банковской системы. Сам организовал и возглавлял один банк. Являлся советником Председателя Правительства Российской Федерации, и, конечно, автор очень большого количества статей и книг.

Справа от меня Михаил Сухов - Заместитель Председателя Банка России. И Михаил работает в организации Банка России уже много лет, а именно: с 1993 года. В основном у него были задачи тоже связанные с банковским надзором, особенно с пруденциальным надзором. Ну и сейчас занимает позиции заместителя Председателя Банка России.

С левой стороны от меня Сальваторе Росси, вы его вчера тоже уже видели, он член Правления и Заместитель генерального директора Банка Италии. И Сальваторе работает в Банке Италии уже много-много лет, именно с 1976 года. Его основные вопросы связаны с экономической политикой. В связи с этим он возглавляет много инициатив и комитетов на европейском уровне.

Дальше Елена Романова, она - Заместитель директора компании «Стандарт энд Пурс» здесь в России, возглавляет Группы по Финансовым институтам региона Европы, среднего Востока и Африки и занимается в основном вопросами рейтинга, кредитными вопросами как раз финансового сектора. У нее тоже есть практический опыт в банковском секторе, работала в ЮБС банке и Райффайзен банке.

Жан-Филипп Сворнос - старший специалист по финансовому сектору, работает в Институте финансовой

стабильности в Банке международных расчетов, Базель. Он там работает с 2003 года, занимается вопросами ресорча, вопросами надзора, финансовой стабильности. До этого работал в секретариате Базельского комитета, то есть специалист именно по базельским вопросам. До этой функции он работал в Банке Франции и банке Сосьете Женераль.

Так что как вы видите, специалисты из разных областей, мне кажется, у нас будет очень интересная дискуссия в ближайшие 1,5 часа. И хотел как раз начать этот вопрос, раз мы здесь в основном интересуемся, как себя чувствует российская финансовая система в нынешней ситуации, хотел задать первый вопрос Михаилу Сухову. Как он видит, Михаил, самая угроза для российских банков и их устойчивости в нынешней ситуации являются угрозы ситуации и эффекты с европейской связаны или они, может быть, больше все-таки домашние, Михаил?

М.И. СУХОВ

Спасибо большое.

Судя по количеству собравшихся на этом Конгрессе, банковская система чувствует себя хорошо, и постольку поскольку такое большое количество банкиров имеет возможности обсудить текущие проблемы вне их головных офисов, все в порядке. Действительно сейчас, на мой взгляд, для оценки ситуации важно понять, какие факторы могут сыграть в первую очередь при дисбалансах. Я считаю, что банковский сектор наш российский с крайне низкой степенью вероятности, никогда не нужно говорить о нуле, практически с крайне низкой степенью вероятности, может сам по себе генерировать проблемы, вызванные колебаниями на финансовых рынках, прежде всего в Европе, по следующим причинам.

Наиболее чувствительные точки банковских балансов сейчас, как ни странно, выглядят достаточно комфортно. Банки имеют очень большую открытую валютную позицию. Сумма длинных позиций и коротких позиций по отдельности меньше 2 %. Банки стоят в длинной позиции по долларам и в достаточно серьезной, но небольшой на самом деле короткой позиции по евро, поэтому если моделировать разные колебания валютных курсов, то с гораздо большей вероятностью, с 90-процентной вероятностью, наши банки пойдут в плюс от текущих колебаний рубля и текущих колебаний доллара к евро, и с очень небольшой вероятностью, может быть, несколько банков могут понести небольшие управляемые потери, и то только в том случае, если курс рубля и курс евро одновременно укрепятся, например, выше уровня конца апреля.

Мы понимаем, что такой сценарий, исходя из сегодняшних условий, выглядит не столь вероятным. Наиболее чувствительная прошлые годы позиция по ликвидности по сравнению с внешним миром также сейчас выглядит по-другому. Если мы посмотрим на объем обязательств перед нерезидентами наших банков, перед кризисом 2008 года, то это было порядка 11% обязательств. Сейчас по последним данным наши все банки должны нерезидентам 5 % обязательств. Понятно, что в этой сумме существенный удельный вес – это обязательства дочерних банков, иностранных банков, которые сильно не двинутся в этой истории, поэтому даже если иностранный капитал захочет немного изменить свое отношение к России с точки зрения межбанковских балансов, с начала года обязательства сократились почти на 1 % от общего объема обязательств банковского сектора, и в принципе это не привело к каким-то проблемам с ликвидностью. Наоборот, сейчас требования российских банков на иностранные банки превышают объемы обязательств, а до кризиса 2008 года все было наоборот. Тогда мы были должны порядка 7 % обязательств, сейчас у нас требования чуть менее 4 % активов на иностранный сектор, поэтому на самом деле на сегодняшний день наши банки в гораздо большей степени зависят от кредитного риска на крупные финансовые институты. Мы надеемся, что здесь тоже все будет в порядке.

Я думаю, что наш банковский сектор сам по себе изнутри не должен сгенерировать в ближайшее время какие-то проблемы. Риски банки принимают таким путем, что в принципе эти динамики валютных курсов и процентные риски в достаточной степени уже антисипированы, как говорят, на русский язык сложно это слово перевести. Если будут какие проблемы, то проблемы они наши, доморощенные. У нас триллион 200 просроченная задолженность, у нас триллион 600 реструктурированная задолженность. Там триллион, там триллион, триллион в основных средствах. Поэтому когда

начинают двигаться финансовые рынки, эти части банковских балансов, которые стоят достаточно твердо, они могут, когда возникает движение вокруг крепко стоящего столба, то тут могут быть проблемы и напряжения. И, я думаю, что каждый банк должен правильно понимать свою точку напряжения. Это касается банков разной величины, и эти цифры понятно, когда мы говорим о триллионах, это не небольшие банки, это некая средняя температура по больнице, по разного рода институтам. С нашей стороны мы будем не быстро, но последовательно реализовывать меры, направленные к тому, чтобы вот эти вот твердые пласты оценивались банками строже. Естественно, мы не сторонники быстрых продаж тяжелых активов, не сторонники быстрой фиксации убытков, но новые финансовые активы должны формироваться в большей степени связанные с финансовыми потоками.

Конечно, это касается уже другой группы банков. У нас в стране бывает так, что один рубль потеряет и 2 рубля при этом приворует. Строго говоря, статистика с отзывными лицензиями она примерно так показывает. По сотне банков средний минус недостачи свыше миллиарда рублей. Это много. Наполовину это, скорее всего, это нарисованный капитал. Наполовину к этому нарисованному капиталу еще рубль прихватили. Поэтому на фоне всех финансовых турбулентностей активность разного рода недобросовестных финансистов возрастает. Но к счастью, это касается другой группы банков, но это тоже нужно понимать. У нас эффективно работает система страхования вкладов. Мы не боимся принимать и не будем, я думаю, отходить от практики принятия непопулярных решений в тех случаях, когда банк не может выжить, поэтому, что касается устойчивости, я думаю, что изнутри наш банковский сектор достаточно силен. Он не идеален, как не идеальна любая финансовая система, как не идеальны, в том числе, западные банки, поэтому чем больше банкиры будут честно говорить о своих профилях рисков, тем будет понятна их дальнейшая судьба.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

То есть другими словами, возвращаясь на вашу роль Банка России, вы не видите нужды сейчас придумать конкретные ответы на международную ситуацию, а именно концентрироваться, как вы сказали, на более домашний эффект развития.

М.И. СУХОВ

Вы знаете, я думаю, что нужно быть готовым и к тому, и к другому. Вероятность внутренних эффектов от внешних я оцениваю так, что, скорее всего, если что-то наступит, то наступит изнутри, при этом общая вероятность неблагоприятного сценария крайне низка в этой истории. Единственное, что к чему подсказывает еще опыт наблюдения и участия в предыдущих ситуациях, что каждая новая сложная ситуация никогда не бывает похожей на предыдущую. Поэтому морально и нормативно мы должны держать все инструменты наготове, но период финансовых сложностей – это не период каких-то революционных новых и быстрых решений в отношении баланса. Если человеку плохо, если он сильно болен, ему нужно прописывать не диету, какие-то более сильные, может быть, хирургические препараты, а потом смотреть на его образ жизни. Вот здесь точно так же. Мы должны будем сделать выводы для нашего образа жизни, но лечить болезни нужно соответствующим инструментарием.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Мы потом еще вернемся к теме российской банковской системы, ее устойчивости, но хотелось, конечно, пользуясь случаем, зам. генерального директора Банка Италии Сальваторе Росси здесь с нами. Конечно, сейчас большое внимание финансового мира уделяется на ситуацию в Европе. Вопрос, насколько европейские банки будут в состоянии сбалансировать те шоки, которые, возможно, еще будут в ситуации с плохими кредитами некоторых южно-европейских стран. Я хотел узнать, господин Росси, как итальянские банки пережили до сих пор кризис. Ситуация, видимо, в Европе сейчас ухудшается. Какая ваша оценка именно для итальянской банковской системы и какие, может быть, шаги в вашей

компетенции как регулятора в Италии, но в синхронизации с европейскими мерами ожидаете?

САЛЬВАТОРЕ РОССИ

Благодарю вас. Разрешите, прежде всего, рассказать вам немного о структуре нашей банковской системы, что поможет нам понять текущую ситуацию и развитие этой ситуации. У нас в Италии 600 банков, большое количество, и только 5 из них представляют 80 % активов, а 2 из них имеют глобальный характер. 20 лет тому назад эта система в основном состояла из государственных банков, и регулирование по отношению к ним осуществлялось в слишком большой степени. Оно было очень тяжелым, предполагало значительное вмешательство в их деятельность. И регулятор пытался регулировать макроэкономические элементы деятельности банков. И, естественно, такое регулирование было менее ориентировано на управление риском. Но это было характеристикой многих надзорных систем во всем мире. И затем эта банковская система пережила очень быстрые изменения. Я бы сказал, существенные изменения, драматические изменения. Акционеры, руководство банков изменили характер собственности банка, и эти банки перестали быть государственными. Наша система регулирования и надзора развивались в сторону гораздо более современного подхода. Модель бизнеса наших банков осталась традиционной, я бы сказал. С точки зрения обязательств, пассивов фондирование наших банков осталось из источников потребительских депозитов. Это также отразило в известной степени глобальный кризис.

Эта цель была очень важной. Например, я приведу цифры. Структурированные финансовые продукты, деривативы были представлены в объеме менее 2 % от всех продуктов нашего банка. В странах, подобных США и Великобритании, такого рода продукт присутствует в балансах в гораздо большем объеме.

Таким образом, первое влияние кризиса было сравнительно мягким. На самом деле не было никаких влияний государственных средств в наши банки. Были такие влияния примерно в объеме 5 % в некоторые страны. Теперь, конечно, наши банки страдают от последствий циклического развития. Глубокая рецессия. В 2009 году мы потеряли значительную часть валового национального продукта. И теперь мы снова находимся в стадии рецессии, и, как следствие, качество кредитов, которые выдаются банками, ухудшается. Не очень быстро я бы сказал, но на самом деле ухудшается. Кредиты, которые не будут возвращены, представляли 2 % на балансе наших банков в 2009 году. Затем эта цифра увеличилась, и сейчас в 2012 году она снова составляет 2 %.

Наши банки сумели тем не менее получить капитал на рынке. Это как бы вне того факта, что государство не так сильно и активно участвовало в процессе капитализации. Интервенция государства в Италии была не столь значительной, минимальной в Италии. Но банки тем не менее сумели получить деньги на рынке. И это произошло, прежде всего, в 2011 году. Я бы так сказал. Наиболее критичной точкой был декабрь прошлого года. Поскольку, как вы, может быть, знаете, кризис суверенного долга, государственного долга, конечно, развивался, углублялся в Европе и в Италии, в том числе, и в значительной степени были очевидные изменения в балансах банков. И в активах были государственные облигации, что есть традиция собственно для Италии, это традиционного рода инвестиции, и они составляют определенную часть активов.

Оптовое финансирование, так сказать, рынок, на котором действовали наши банки, был заморожен. Риск оказался замороженным. Каким образом? Несмотря на традиционную бизнес-модель, несмотря на такого рода депозиты, банки тем не менее сохранили свои позиции, но, конечно, итальянская экономика – это экономика сфокусированная на банковской деятельности, как и германская экономика, я бы даже сказал, что более чем немецкая экономика. Банки являются ключевым элементом финансовой структуры нашей страны. Финансовые рынки в Италии несколько менее развиты, чем в других странах Европы, поэтому наши банки очень много кредитуют, и есть у них соответствующие структуры для этого. Общий объем кредитования приходится в значительной степени на банки.

И если ситуация ухудшается для банков, то и общая ситуация ухудшается. И ограничения по кредитованию, конечно, тоже могут привести к серьезным изменениям. Но ситуация нормализуется. В апреле данные говорят о том, что

сейчас снова повышается кредитования со стороны банков, таким образом ситуация выправляется, нормализуется.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Спасибо. Для нас здесь в России похоже на то, что вы испытывали. Елена уже смотрит, сразу хотел передать слово Елене Романовой. Качество кредитного портфеля, то что мы слышали, как один из основных вопросов или озабоченность регулятора в Италии, мы это слышали тоже от Михаила Сухова. Как ваше видение с точки зрения рейтингового агентства именно на те риски, которые здесь в российской банковской системе могут накапливаться. Может быть, даже системные риски каким-то образом за горизонтом.

Е.А. РОМАНОВА

Да, спасибо действительно очень много из того, что я сейчас скажу, будет пересекаться с тем, говорили предыдущие двое коллег. Системные риски это в общем то, с чего мы начинаем рейтинговую работу. Я занимаюсь рейтингом банков и финансовых институтов России, СНГ, Восточной Европы, и прежде чем перейти к индивидуальным факторам рисков, сильным и слабым сторонам, которые влияют на рейтинг определенного финансового института, эмитента, мы смотрим на системные риски, которые касаются как общеэкономических рисков страны, так и рисков, присущих финансовому и банковскому сектору каждой конкретной страны, в которой работает эмитент, которому должны выставить рейтинг. И не только это, а даже у нас есть определенный набор публикаций, определенный набор оценок, который называется оценка BICRA, бэнк индастриз рекрейтид риск анализ, из которой мы делаем по каждой стране, это шкала от 1 до 10, где самый высокий балл для риска – это 10. И по каждой стране, в которой мы рейтингуем банки и финансовые институты, каждая страна имеет этот балл оценки BICRA. По России это 7.

Возвращаясь к системным рискам и российским системным рискам, естественно, это уже звучит как дважды два 4, с точки зрения экономики это высокая цикличность российской экономики. Несмотря на то что безусловно экономика России, основные макроэкономические, фундаментальные характеристики в России намного лучше, чем в странах СНГ и Восточной Европы, тем не менее зависимость от сырья, зависимость от экспорта никуда не девается, является основным фактором риска для системы в целом. Не буду на этом больше останавливаться, потому что об этом говорят все время и много.

И второй глобальный серьезный риск, он связан с глобальными рынками. Об этом господин Сухов много говорил, поэтому останавливаться не буду, коснусь об этом дальше. Предмет или фактор риска, который мы очень много обсуждаем и публично и особенно в разговорах с нашими клиентами, эмитентами, банками, это риск, который связан с быстрым ростом кредитования в России. Этот момент вызывает много споров и разных точек зрения, поэтому я бы хотела на нем остановиться подробнее.

Одним из основных высоких рисков, который мы видим сейчас в России, являются, как я сказала, очень высокие темпы роста кредитования в системе. 25-27 % по 2011 году и, скорее всего, мы увидим достаточно высокие цифры в этом году тоже. Для нас как для рейтингового агентства этот фактор достаточно серьезный и не только потому, что эти темпы высоки сами по себе и банки теоретически набирают потенциально большой процент просрочки на будущие периоды. Фактор высоких темпов роста очень сильно увязан с другими моментами такими, как, например, необходимостью и во многом невозможностью создать адекватную структуру финансирования для банков под вот такие высокие темпы роста. Особенно сейчас, когда рынки очень тяжелые и банкам, чтобы выйти приходится или искать какие-то окошки на рынке, благоприятные для выхода и размещения облигаций, или платить достаточно высокие цены.

С точки зрения финансирования депозитами этих высоких темпов роста здесь тоже есть достаточно серьезные моменты, которые в основном связаны со структурой банковского сектора России. Достаточно сильная, очень сильная, высокая конкуренция со стороны государственных, если можно так сказать, квазигосударственных банков, да, те банки,

которые были взяты под крыло государственными банками во время кризиса, остальные частные банки фактически в этой ситуации являются прайс-тейкерами по стоимости фондирования. И зачастую, чтобы привлечь хорошее финансирование, приходится очень сильно жертвовать маржой. При этом маржа важна даже не сама по себе как основной фактор прибыли, процентная маржа, а для нас, для рейтингового агентства как один из источников собственного генерирования капитала. Капитализация – это еще один момент, на который смотрит сейчас весь мир, на который мы всегда смотрим очень пристально и внимательно, наши оценки капитализации очень жесткие, они жестче, чем базель, это тоже предмет дискуссии всегда у нас и с инвесторами, и с эмитентами. И, безусловно, по российским банкам мы зачастую видим низкие уровни капитализации. По нашим оценкам среди российских банков, у нас есть кластеры, куда попадает наша оценка капитализации, но по большинству банков по нашим расчетам оценка капитализации на ближайший год, два, три попадает в район 5-6 %. У нас была на эту тему отдельная статья, поэтому я подробно останавливаться не буду. Мы даже проводили конференцию, но если кому-то будет интересно, я естественно потом остановлюсь.

У меня время еще есть? Потому что когда рейтинговому агентству предлагают говорить о системных рисках, можно говорить несколько дней подряд.

(БОНГАРТЦ ЙОРГ: Еще одна минута.)

Хорошо. И проблема прозрачности информации, то, о чем говорил господин Сухов, это очень серьезная проблема. Огромные высокие концентрации, которые мы видим и по отдельным эмитентам на банковских балансах, на связанных сторонах и на секторах, это, скорее всего, только надводная часть айсберга, потому что возможности скрыть реальные концентрации по кредитному портфелю достаточно хорошие для банков, и есть ощущение, что именно это и происходит. И крайне высокие концентрации это то, что очень сложно регулировать, то, что очень сложно отследить, и то, что содержит в себе крайне высокие системные риски для банковской системы.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Спасибо, Елена. Владимир, с вашей точки зрения, с точки зрения надзора, вы разделяете видение Елены? Первый вопрос. Второй вопрос. Как российские банки могут защищаться против этих рисков, которые, возможно, накапливаются, имплементация новых принципов. Может быть, несколько слов, как вы видите возможные эффекты Базеля 3 на российском банковском секторе:

В.А. САФРОНОВ

Я соглашусь с предыдущим выступающим по поводу того, что в российском банковском секторе есть определенные черты или характеристики, которые определяют основные проблемы устойчивости. В отношении принципов Базеля 3. На самом деле последнее время при обсуждении финансовой устойчивости российских банков эти проблемы смотрят в основном контексте реализации принципов Базеля 3. Безусловно, реализация базельских принципов, я имею в виду Базеля 3, в той или иной мере окажет позитивное влияние на финансовую устойчивость российских банков, но вопрос, как мне кажется, в том, насколько сопоставим эффект от реализации Базеля 3 с теми усилиями, которые придется осуществить российским банкам для выполнения этих требований.

Выскажу свое сугубо экспертное мнение. Как мне представляется, реализация требований Базеля 3 по структуре капитала 1-го уровня, по буферам капиталу не потребует существенных усилий, я оговорюсь, если абстрагироваться от реальных проблем с качеством капитала, которые есть в российском секторе. Так вот для формального выполнения требований Базеля 3 по капиталу российским банкам, как мне представляется, не потребуются существенных усилий. Это объясняется, с одной стороны, исторически сложившимися более высокими количественными требованиями достаточности капитала, с другой стороны, не развитостью инновационных гибридных инструментов. И на сегодняшний день по существу структура капитала российских банков в основном соответствует Базелю 3.

Что касается других требований, требований по долговой нагрузке, требований по ликвидности или необходимости совершенствования системы управления рисками, это, конечно, не потребует дополнительных усилий, но, учитывая определенную этапность введения этих требований, есть период для адаптации.

Говоря об эффекте, предполагается, что Базель 3 будет способствовать восстановлению долгосрочной стабильности, и России как участнице финансовых рынков безусловно стоит придерживаться общепринятых принципов регулирования. Вместе с тем мы все с вами понимаем, что как нет оптимума в природе, так нет, наверное, оптимальных инструментов регулирования, и любые инструменты регулирования, включая Базель 3, как мне кажется, необходимо рассматривать именно в контексте реальных проблем российского банковского сектора. Они всем известны. Буквально в двух словах. Это низкое качество капитала, умышленная нетранспарентность российских кредитных организаций и проблемы с качеством активов. Общеизвестно, что проблемы концентрации рисков на собственников, связанность - эти проблемы, как мне представляется, решаются Базелем 3. И возможности Базеля 3 по решению этих проблем очень ограничены. Ну это все равно, что пытаться осуществить тонкую настройку рояля, у которого отсутствуют клавиши или струны.

Для решения этих проблем нужны другие инструменты, в первую очередь это повышение ответственности собственников и руководства банка за фальсификацию отчетности. Необходима более предметная работа и регулятора с точки зрения селекции и оценки кредитного риска. Тут же возникает вопрос мотивированного суждения. И эти вопросы требуют соответствующей законодательной поддержки. Спасибо.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Спасибо, Владимир. Во всей этой дискуссии, конечно, всегда задается вопрос: как новые рамки будут влиять на возможность финансового сектора сопровождать экономический рост? Эту тему, которую Гарегин Тосунян вчера уже коротко затронул в пленарной сессии и тогда упомянул, что хотел останавливаться еще на этой теме. Я думаю, что это очень важный аспект. Всем известно, что российская экономика требует много кредитных ресурсов, зависит, с одной стороны, от фондирования за рубежом, но в последние годы и российские банки, российская банковская система больше и больше снабжает российскую экономику финансовыми ресурсами. Тем более и сроки увеличиваются, более длительное фондирование, кредитование сейчас возможно.

Эта дискуссия, Гарегин, вас тревожит? Новые рамки, которые, может быть, ограничивают возможность как раз финансовой системы сопровождать экономический рост. Некая дилемма. Как вы видите ситуацию, какое решение?

Г.А. ТОСУНЯН

Да, это проблема, которая тревожит, мне кажется, не только меня, но всех участников рынка, хотя я не раз подчеркивал, что прекрасно понимаю и позицию регулятора надзорных органов. Действительно понимаю. И в их системе координат многие вещи видятся абсолютно не только понятными, адекватными, но даже, может быть, и в чем-то деликатными, очень осторожными, потому что, если такую аналогию провести. Как родители обычно относятся к возможным спортивным увлечениям своих детей. Они понимают, что для развития ребенка нужно, чтобы он бегал, прыгал, залезал на деревья, лазал по горам и не боялся бы получить травмы, потому что если его взять и посадить рядом и не разрешать соответствующие риски на себя брать, то он развиваться не будет, он просто зачахнет. Для развития, для роста нужно этот баланс риска, разумного риска, и в то же время нужно движение.

Я не хочу сказать, что надзорные органы так нежно относятся к банкам, воспринимая их как своих детей, потому что иногда они, конечно, их лишают головы, лицензий. И в этом смысле они гораздо более жесткие, чем родительская опека, но просто аналогия, она мне кажется, наглядна с точки зрения баланса вот этой пропорции развития и, соответственно, риска.

Мы находимся на той стадии развития системы, тем более что все обращают внимание на низкий уровень капитализации, мы прекрасно понимаем, что по насыщенности банковскими услугами мы значительно отстаем. То, что я называю «банкизация» России, необходимость банкизации России, Ассоциация российских банков даже 5 лет назад на съезде специальную программу принимала, потому что по формальным и неформальным показателям явно мы не насытили рынок и далеки от насыщения рынка, тем более, об этом ярко свидетельствуют процентные ставки, об этом ярко свидетельствуют, кстати, и внутренний слишком большой разброс возможностей банков и по доходности, и по многим другим показателям. То есть мы все-таки в приоритете, хотя, я думаю, не только мы, всегда в приоритете должно быть развитие, но в данном случае речь идет о вот этом подростковом периоде, детском и подростковом периоде, когда ну нельзя заботиться. Когда старикам обеспечиваешь теплое кресло, место за столом и ни в коем случае чтобы они лишнего телодвижения не сделали, это еще более или менее понятно. Тут главное, чтобы не дай бог с ним что-нибудь не случилось, но так относится к системе исходя из того, что есть какие-то риски. Ну, конечно, они есть. Во-первых, надо очень дифференцированно относиться. Там, где кредитная организация провоцирует и несет в себе риски за счет своей авантюры, за счет непросчитанности своих действий или за счет, тем более, вот Михаил Игоревич сказал: рубль потеряли, а два своровали. В этом случае, конечно, надо очень жестко и в этом случае надо даже демонстративно, публично показывать, что такого рода поведение на рынке недопустимо. Но распространять это в целом на политику управления рисками, когда мы за счет, я вчера упоминал, да и на многих наших мероприятиях, 110 инструкция в сочетании с другими инструкциями, которые фактически всем участникам начинают предлагать, если не сказать навязывать такие условия, которые для среднего участника рынка становятся непосильными. И что самое интересное, они, в конце концов, ложатся бременем не на сами банки, а на конечного заемщика, на конечного участника рынка, а значит, на экономический рост существенным образом влияют. Поэтому здесь, и индивидуально на частных примерах рассматривая, ты видишь, что странный подход с точки зрения потребности развития, и по глобальным параметрам видишь, что, я вчера приводил пример, если мы при 20 % росте кредитного рынка обеспечили, и это нормальная закономерность, учеными давно доказанная, всего меньше 4 % рост ВВП, то моя коллега говорит, что очень бурный рост кредитования, ничего себе бурный рост кредитования. Для нашей страны 4 % роста ВВП – это стагнация при нашем уровне развития инфраструктуры, экономики, социалки и так далее. Мы себя на стагнацию обрекаем, и при этом заявляем: вы знаете, у нас очень бурный рост, надо его как-то поумерить. Ну и что? Давайте стагнировать дальше. Давайте отставать от всего мира дальше по многим-многим проектам, зато опережать только по нефти. Мы на 7-ом месте находимся по ресурсам нефтяным, а на 1-ом месте лидируем по ее добыче и реализации. Конечно, это хороший способ экономического роста, который показывает сегодня по другим показателям, что мы вроде и не отстаем, а даже там по ВВП продвинулись на 10-е место. На самом деле это отставание, потому что вся инфраструктура, опять же, мы сегодня в Питере находимся. Смешно, если от Москвы до Питера до сих пор нет нормальной дороги! В стране между двумя главнейшими центрами страны нет нормальной дороги. И мы будем говорить, что оказывается у нас все в порядке, мы слишком опережающими темпами развиваемся на финансовом рынке. Если вы скажите: а какое это имеет отношение к финансовому рынку? То я отвечу «прямое», потому что в отсутствии соответствующего механизма стимулирования финансового рынка, да, мы стимулируем только краткосрочную торговлю и соответствующие потребительские кредиты, в основе которых лежит отнюдь не производимый на российском рынке товар, а все, что связано с производством, все, что связано с долгосрочным кредитованием, у нас в дауне. И при таких процентных ставках шанса на развитие нет.

Я могу, как Йорг сказал, обо мне может часами говорить, я могу на эту тему не только часами, но и сутками говорить. Думаю, на этом остановлюсь. Спасибо.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Спасибо. У нас есть еще кофе-брейк, так что индивидуальным образом можно продолжить.

Г.А. ТОСУНЯН

Я кофе-брейк на что-нибудь более для себя... Хотя нет, это мне все равно полезно и интересно. Спасибо.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Хотелось бы все-таки, Михаил, конфликт, экономический рост или финансовая устойчивость российской банковской системы.

М.И. СУХОВ

Я не вижу какого-то серьезного конфликта по нескольким причинам. Потому что я эту статистику не так часто наблюдаю, но некоторое время назад была статистика, что Россия вышла на первое место в Европе по продажам новых автомобилей. Это потому, что у нас количество автомобилей небольшое. И по кредитам на самом деле ситуация действительно достаточно может выглядеть рискованная с точки зрения международных стандартов.

Действительно, банкам нужно предпринимать серьезные усилия для правильного управления рисками, для правильного мониторинга, для правильного их выявления, но мы находимся как раз в той фазе, по кредитам потребительским точно, как по автомобилям происходит, правильно нужно управлять этим процессом. Что касается не финансового сектора, не сектора кредитования не физических лиц, не финансового сектора, то тут надо посмотреть, что будет происходить в Европе. Ведь иногда закрытие рынков дает российским банкам дополнительные возможности для бизнеса здесь. Я не удивлюсь, что если несколько месяцев наши крупные заемщики не смогут перекредитоваться на Западе, они придут в наши банки и этот кредитный рост, это мое личное мнение, я бы не рассматривал в качестве какой-то кредитной пружины или мыльного пузыря в экономике, потому что на самом деле эти заемщики уже пользовались кредитными ресурсами. И в этом смысле с точки зрения конечного использования финансирования развитие экономики здесь не всегда будет мыльный пузырь по этим двум причинам. Хотя я, безусловно, понимаю, что могут быть другие факторы.

И я тут слышу и Гарегина, который говорит нам о нашем отношении. Но когда, мы же общаемся не только на банковских конференциях, и когда там вслух говорят, что в России кредиты возвращает только трус, то это должен слышать и банковский надзор тоже. И регулирование. Дело здесь не только в недобросовестности банкиров, о которых не только я говорю, к сожалению. Дело в том, что и с точки зрения корпоративной культуры в целом нам нужно расти в нашей стране. И поэтому конфликтов нет. В каждой стране и на каждом уровне в развитии финансово-экономической системы будет свое соотношение между темпом экономического роста и темпом кредитования. Исходя из того что складывается сейчас после кризиса, откровенно говоря, на этом этапе риска мыльных пузырей не много. Действительно, это было до 2008 года, 50-процентный рост кредитования на фоне отставания от валового внутреннего продукта, сейчас они развиваются достаточно близко. И номинальный ВВП, номинальные темпы роста кредитного портфеля развиваются близко, не синхронно. Поэтому мы будем наблюдать. Просто надо каждое движение изучать и оценивать исходя из его причин.

Е.А. РОМАНОВА

Если позволите, буквально слово добавить, я говорю здесь не о мыльном пузыре, даже не столько о мыльном пузыре, а дисбалансах, которые в себе с точки зрения оценки рисков несет этот 20 плюс процентный рост кредитования. Дисбалансах, которые возникают, с одной стороны, с точки зрения обеспечения адекватными пассивами, избежание кризисов ликвидности. Потому что когда рост финансируется с межбанковского рынка, ситуация такая как в 2007 году, она не только вероятна, она очень вероятна внезапно. Это, во-первых. Во-вторых, конечно же, кредитное качество

набранных новых кредитов, поскольку конкуренция такова, что частным банкам приходится, которые в основном пионеры этого роста, набирать заемщиков второго уровня по качеству этих заемщиков и которые при этом тоже не прозрачны и сдают отчетности не совсем вовремя. И просто технически способности и возможности этих банков осуществлять адекватный риск-менеджмент, а потом, имея ту институциональную структуру и качество ее, которое мы имеем в России, отслеживать и возвращать через суды или работать через суды просроченную задолженность, если она выйдет на просрочку. Все это, безусловно, содержит риски для банков. При этом вы совершенно правы, что любой экономический рост нуждается в финансировании, и один из сильнейших источников финансирования – это банковский кредит в любой стране, не только в России.

Но финансовый рынок, если говорить по-английски, «ол эбаут рискс», и банки это тоже «ол эбаут рискс». Самое главное, чтобы этот риск был взят адекватный и была возможность его адекватно мониторить и им управлять.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Мне кажется, это хорошее промежуточное заключительное слово к этой тематике. Естественно, нужна адекватная кредитная активность, нужен адекватный контроль, и искусство сейчас заключается, конечно, в том, чтобы найти адекватный баланс.

Я хотел бы перейти к особой тематике в текущих глобальных дебатах, а именно: тематика вокруг так называемых Си-Фи, системно важные финансовые учреждения. Вопрос, может быть, для России не совсем очевидный, хотя задается вопрос: есть ли местные системно важные учреждения, которые требуют, может быть, особого внимания регулятора. И, естественно, есть глобальные системно важные банки и озабоченность заключается в том, что трудности таких банков, как с ними быть? Как такие комплексные глобальные финансовые учреждения можно регулировать и можно адекватно управлять с тем, чтобы особых рисков из этого не вытекает. У нас здесь два специалиста по этим вопросам, представитель глобального системно важного банка Наталья и Жан-Филипп, который этой тематике уделил особое внимание в своей работе.

Я хотел бы задать сначала вопрос Жан-Филиппу. Может быть, вы кратко можете изложить суть этого обсуждения? Первый вопрос. И второй вопрос: как вы видите роль домашних значимых банков и какой совет можете дать регуляторам, как с ними быть?

ЖАН-ФИЛИПП СВОРОНОС

Благодарю вас.

Прежде чем мы будем говорить с вами о СИ-Фи, мне бы хотелось буквально 2 слова сказать в качестве комментария по предшествующему вопросу и по дискуссии, которая происходит на международной арене и в целом ряде стран.

Мы говорим с вами об отношениях. Как раз отношения кредитного роста и ВВП. Как надзорная структура, в которой я работаю во Франции, я знаю, что рост кредитный, превышающий 10 % по сравнению с ростом ВВП, который мы имеем, на самом деле заставляет нас беспокоиться. Когда у вас такой рост составляет 25 %, а рост ВВП – 3 %, нам бы хотелось, чтобы был рост 4 %. Может быть, в России считается такой рост ВВП стагнацией, для нас это повод беспокоиться. Тем не менее это, наверное, весьма поверхностный уровень, потому что если мы будем с вами рассматривать детали, как правило, это как раз тот вопрос, в котором существенные детали, мы должны смотреть и рассматривать не только следующий момент, что 25 % роста это за год или это постепенный рост, тенденция это ли на последние 2-3 года.

Затем надо также посмотреть собственно что это за рост? Это финансирование этого мыльного пузыря в недвижимости или это какие-то потребительские товары? То есть действительно мы должны понимать, представляет ли это особую озабоченность для экономики или нет? Концентрация, да, очевидно это тоже очень важный момент. Но вот

концентрация и ответ на этот вопрос, очевидно, даст вам представление, говорим мы с вами о мыльном пузыре или нет.

Есть и третий вопрос, который связан с дисбалансами. Елена об этом говорила. Это базовый вопрос. Как же финансируется этот рост кредитования в рамках финансовой системы, откуда деньги? Очевидно, что с ростом 25 % деньги не поступают только от местной розничной работы, от вкладчиков на местном уровне, безусловно. Очевидно связано с экспортом, извините, с рециркуляцией денег. Может быть, это и ничего. Но однажды, я помню, мы говорили о том, что здесь финансирование иногда может быть из-за границы. И вот это может быть как раз тем случаем, когда такой рост концентрированным является и концентрируется по определенным секторам. В том числе и по тем секторам, где сектора имеют устремления, связанные с долларом прежде всего.

Я недостаточно знаю российскую экономику для того, чтобы дать ответы на ваши вопросы, и в любом случае я бы не стал вам давать какие бы то рекомендации будучи гостем у вас, но вот так я вижу эту ситуацию.

Теперь же что касается так называемых системно важных финансовых институтов. Надо сказать, что дискуссий очень много касательно их, много шума по этому поводу. Когда мы с вами заглянем в финансовую историю, мы посмотрим, что это вообще не было проблемой в прошлом. Именно по этой причине Базельский комитет был создан в 1975 году. Именно по этой причине появились положения Базеля 1 в 1988 году. Дело в том, что речь идет не только о финансовой конкуренции между большими мальчиками и девочками, если хотите, это также вопрос потоков капитала в страну и из страны. И это с внутренней точки зрения то, что мы в нашей стране называем вопрос национальных чемпионов. Так мы их называем. Потому что мы все на самом деле склонны создавать таковых. Конечно, люди склонны сконцентрировать свои усилия всегда. Например, 3 ведущих банка или 5 ведущих банков страны, А, В, С являются системными банками. Чаще всего, это так и есть. Но речь ведется не только о размере этих банков, но речь ведется также о значимости этих банков, о том насколько интернационализированы эти банки.

Другими словами, если банк обвалится, как быстро распространится эта болезнь на другие банки, а также за рубежом. Это также вопрос взаимосвязи между элементами международной системы, а также есть вопрос заменяемости: является ли банк лидером или, вполне возможно, у этого банка есть колоссальная доля в одном секторе. Если этот банк провалится, обвалится, то никто не сможет его заменить и предоставлять такие же точно услуги достаточно быстро для того, чтобы снизить уровень потерь.

И, конечно, последний вопрос, который напрямую связан с решениями и с выполнением (неразборчиво), это вопрос сложности. Чем более сложными являются активы и операции, проводимые банком, тем, я бы так сказал, тем более сложной является его корпоративная структура и система корпоративного управления. Если я помню, у «Леман бразерс» было примерно 3 тысячи филиалов и дочерних предприятий во всем мире. И мы говорим с вами о «Леман бразерс», который в то время считался инвестиционным банком второго уровня.

Это дает вам представление о том, каковы проблемы, с которыми мы имеем дело. Эти 5 критериев, я бы так сказал еще категорий, сейчас являются теми моментами, вокруг которых строятся индикаторы, индикаторы, показатели для того, чтобы понять, до какой степени банк является системным на глобальном уровне или не является системным.

Базельский комитет использовал пример семидесяти трех банков, которые были представлены своими регуляторами, затем сократили их до 27, затем до 29 дошел этот список, потому что некоторые надзорные структуры настаивали на том, чтобы добавить некоторые банки, которые не входили в этот метод, который использовался для оценки банков, но который они считали тем не менее системно важными на глобальном уровне.

Я не буду называть вам эти банки. Один из этих банков, если я помню правильно, это был один из крупнейших банков, управляющих фондами, активами, если я помню, это банк был американский. По ряду причин. Во-первых, потому что очевидно, это банк был лидирующий в сфере управления фондами. И вторая причина – это, конечно, вопрос равных правил для различных структур. Что это все означает? Что это подразумевает, если я могу так сказать? И какова цель всей этой работы?

Цель является достаточно простой. Цель состоит в том, чтобы снизить, не устранить, а именно снизить риск дефолта одного из этих крупных банков, системно значимых банков. Потому что если один из них обваливается при условии всех тех параметров, которые я описал, сложности структуры, размеры банка. Во-первых, вы не знаете, каковы могут быть последствия этого в рамках вашей собственной страны. Во-вторых, вы не знаете, каково будет влияние этого обвала на глобальном уровне. И, в-третьих, именно поэтому мы говорим, что она слишком большим является для того, чтобы обвалиться. Вы даже не знаете, будут ли возможности вообще расчистить те завалы, которые образуются после обвала такого крупного банка.

Иногда конечно, можно говорить о некоторых добавочных моментах. Некоторые, например, считают, что необходимо понять, насколько эти банки являются крупными для управления или для осуществления надзора. Что интересно? Вы можете это увидеть в газетах, что акцентируется внимание на размере, но этот вопрос связан не только с размером, это так, но это также вопрос, который связан со сложностью организации операций, которые ведутся банком. Ответом на это или часть ответа больше капитала, другими словами, то, что называлось поиски капитала. Не буду рассказывать вам в деталях, это не так интересно, но что нужно помнить, это то, что в соответствии с ранжированием банком в отношении того, насколько он важен для всей системы на глобальном уровне, банки могут получить дополнительный капитал в объеме 1,5 % от их взвешенных активов.

Делает ли это банки счастливыми? Это также является нововведением, потому что до настоящего времени существовала так называемая премия по размеру. Чем больше вы имели преимущества в отношении преимущества в двух отношениях. Первое, как вы знаете, это обычный вопрос. Когда вы покупаете 100 единиц чего-то по сравнению с пятью или десятью единицами, которые покупает потребитель, у вас возникает больше преимуществ. Вы можете таким образом осуществить диверсификацию риска. Если вы идете этим путем, вы также можете осуществить ошибку и в диверсификации, то есть вы можете быть крупным банком, но иметь тем не менее концентрацию рисков.

И последний вопрос здесь по системно значимым банкам. То, что происходит сейчас, вторая часть. Мы не говорим более о дополнительных выплатах национальным или глобальным банкам, возникают дополнительные предложения сделать то же самое или нечто подобное для крупнейших национальных банков. Но, наверное, эта ситуация будет несколько иной просто потому, что, когда мы говорим о крупнейших национальных банках, например их 3 или 5 в каждой стране, конечно, будет больше пространства, в котором может работать национальный надзорный орган. И эти 3 и 5 могут быть не только самыми крупными, но и самыми сложными. И могут создавать на самом деле самые крупные системные риски, которые могут быть проблемой для вашей страны.

И еще один вопрос здесь, и последний вопрос на самом деле, сколько дополнительного капитала необходимо, когда мы говорим о национальных финансовых учреждениях. Ведется дискуссия по этому вопросу, но некоторые страны уже сделали это. Это можно сделать двумя разными способами. Если вы хотите, чтобы вас любили и чтобы вас не любили. Дополнительные вливания в банки дополнительного капитала от 3 до 5 % в дополнение к существующему минимуму, который определен требованиями Базельского комитета в объеме 2-3 %. Это немножко не соответствует тому, что мы делали до этого. Может быть, мы полностью истощили уже все возможности осуществления надзора в отношении таких банков. Возможно, это не лучший путь.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Вы являетесь сотрудником одного Си-Фи. Во-первых, как вы оцениваете, может быть, это слишком преувеличенное обсуждение? На самом деле один из пунктов. Второй, который меня интересует, обсуждается ли конкретный список Си-Фи? Насколько это может быть опасно? Не отойдет тогда внимание от тоже важных, крупных институтов, которые не попадут в этот список? Как вы оцените это обсуждение?

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Прежде всего мне хотелось бы сказать о том, что мы уже сегодня неоднократно слышали о том, что, наверное,

не так важен размер, а важно, каким образом, насколько действительно комплексным является финансовый институт, какими продуктами он занимается, в скольких странах он работает и насколько, с моей точки зрения, один очень важный вопрос, который, мне кажется, мы так и не обсудили, который касается, насколько, действительно, концентрация рисков в определенных областях, в определенных продуктах, в определенных индустриях существует у данного финансового института, имеет очень большое значение. И в зависимости от этого, разумеется, здесь, скорее, нужно концентрироваться не на размере, хотя размер тоже в определенных смыслах имеет значение, особенно если конкуренция в определенных странах не ограничивается, а, по сути дела, появляются действительно такие крупные финансовые институты, которые, по сути дела, выдавливают с рынка другие финансовые институты. То есть неравное поле для конкуренции, которое создает для такого финансового института, по сути дела, дополнительные риски, когда то, что уже говорилось, наращивается кредитование притом, что отсутствуют источники финансирования увеличение капитала.

И вот здесь очень существенный момент, который также обсуждался сегодня то, что очень серьезно надо смотреть не только на сам финансовый институт, не только на то, чем он занимается, не только на системные риски, которые существуют в банковской системе и в экономике страны, но также и на то, каковы источники финансирования данного роста, где их возможно взять, насколько финансовые институты, работающие в конкретной стране, имеют возможность, по сути дела, финансировать те активы, которые у них есть на балансе, и могут ли они эти активы продавать для того, чтобы брать на себя новые кредитные риски? Для того чтобы, может быть, улучшать свой кредитный портфель, продавая свой существующий портфель.

Насколько мне известно, у нас достаточно в малом количестве используются такие инструменты, которые позволяют более эффективно использовать свою капитальную базу. То есть не смотреть на то, как увеличивать кредитный портфель и одновременно увеличивать капитал для того, чтобы становиться еще больше, а все-таки эффективно использовать ту капитальную базу, которая есть, по сути дела, передавая свои активы другим финансовым институтам или другим инвесторам, которые были в этом заинтересованы. И, таким образом, возобновлять кредитный процесс вновь и вновь.

Что касается будущего регулирования и то, как смотреть на международные значимые банки, то здесь хотелось бы отметить, что в большинстве своем кризис, который у нас сейчас случился, заставил эти институты сделать определенные выводы. Один из выводов заключается в том, что очень многие из таких институтов отказались от филиалов. И это, собственно говоря, один из выводов. И многие страны посмотрели на то, что они хотели бы в своем регулировании все-таки закрепить именно создание дочерних структур для того, чтобы эти дочерние структуры имели свою капитальную базу.

В России эта проблема не стоит, она давным-давно закрыта, и такой путь абсолютно нормальный. Другие страны на это сейчас очень активно смотрят и обсуждается серьезно. Соответственно и финансовые институты тоже сделали определенный вывод. То, что многие дочерние структуры крупных финансовых институтов, которые включены в этот список, по сути дела, перешли на самофинансирование и работают вне зависимости от своих материнских структур. От них они, по сути дела, берут опыт, знания, определенные стандарты риск-менеджмента и многие другие вещи, но в смысле фондирования и развития, использования своей капитальной базы, это исключительно за счет того, что было создано непосредственно в стране.

Здесь идет, с моей точки зрения, с одной стороны, какие-то регулятивные изменения, которые действительно направлены на снижение рисков. И, с другой стороны, и банки сами изменяются для подстраивания работы в новых условиях, которые созданы экономической ситуацией, финансовым кризисом, который существует на данный момент в мире. Надеюсь, что я ответила.

Спасибо, Наталья. Вы затронули один вопрос, который я хотел еще более подробно обсудить, финансирование, фондирование. Но перед этим хочу дать возможность коллегам в аудитории. Может быть, у вас есть комментарии, вопросы к президиуму. У нас микрофоны в зале. Прошу поднимать руку. Пожалуйста.

А.Ф. МАНОЙЛО

Я бы хотел попробовать развернуть нашу дискуссию немножко в другую сторону. Мы сегодня говорим о неких глобальных рисках, о системных рисках, о том, как себя чувствует банковская система, что мы как участники банковской системы должны делать, чтобы избежать этих рисков? Давайте посмотрим на банковскую систему со стороны клиента, потому что, на мой взгляд, главный риск – это потерять клиента. И то, о чем нам вчера рассказывал господин Генцис, когда представлял свой очередной программный продукт, о том, что клиенты рано или поздно уйдут из банковской системы, уйдут к другим участникам глобального рынка, на мой взгляд, риск достаточно системный. Мы можем говорить о том, что высокие темпы кредитования, низкие темпы кредитования. Но я считаю, что мы как люди, которые отвечают не только за банковскую систему, но где-то за финансовую систему страны, мы должны воспринимать как риск то, что наш клиент идет и берет деньги в микрофинансовых организациях, на то, что наш клиент занимает деньги на черном рынке. Потому что сегодня, к сожалению, система регулирования, которая выстраивается, она, скажем так, некомфортна для клиента.

Давайте посмотрим. Мы говорим о том, что мы хотим кредитовать малый и средний бизнес. Ко мне приходит клиент малого и среднего бизнеса. Я смотрю и спрашиваю: «Где ты зарегистрирован?». «В офисном центре». Адрес массовой регистрации со всеми исходящими последствиями. Клиент говорит: «Мне нужен Банк-клиент». Я говорю: «В течение 3 месяцев». Потому что иначе соответствующие параметры нормативных документов не позволяют это делать, и я знаю, что комиссия Банка России, которая ко мне придет, при очередной проверке напишет, что я выдал клиенту «Банк-клиент», не имея истории взаимоотношения с этим клиентом.

Клиент говорит: Вы знаете, мне нужна кредитная линия. Я не очень хорошо планирую свой бизнес. Вы оцениваете мои риски. Я открываю кредитную линию и сразу на клиента начинаю формировать резервы. Клиент еще не взял деньги. Может быть, он и деньги брать не будет, но я уже вынужден, тем самым мне не выгодно работать с этим клиентом. Мы фактически сегодня отсекали от банковской системы целую группу клиентов.

Возьмем сельское хозяйство. Президент недавно проводил совещание, говорил: банки должны кредитовать сельское хозяйство. Возьмем простой пример. Как известно, любой сельхозпроизводитель должен кому-то продавать свою продукцию. Поэтому зернотрейдеры – это вещь, которая кредитруется на рынке, которая существует на рынке. Достаточно известная ситуация. Ко мне приходит зернотрейдер и говорит: я хочу купить зерно у товаропроизводителя и продать, условно, западному партнеру. Я проверю зернопроизводителя, то есть я проверяю один контракт, второй. Понимаю, что зерно реальное, что оно выращено. Даю 3-недельный или 4-недельный кредит зернотрейдеру, он покупает зерно, продает. Зерно отгружается. Сделка закрыта. Возвращает мне кредит. Но что дальше происходит? Давайте смотреть, куда ушли кредитные деньги. Кредитными деньгами зернотрейдер расплатился с сельхозпроизводителем. Сельхозпроизводитель куда отдал деньги? Он отдал их в банк, у которого взял деньги весной на посевную и так далее.

254 в полный рост: кредитные деньги использованы на расплату с другим кредитным учреждением. И как бы с учетом того, что зернотрейдер не всегда имеет блестящее финансовое положение, я не могу применить мотивированное суждение. В итоге, целый класс заемщиков, достаточно понятный, с прозрачными рисками начинает уходить из кредитования.

Ко мне приходит строительная организация и говорит: вы знаете, я подрядчик, выполняю работу по строительству автомобильных дорог. Мне нужны тендерные гарантии, в которых я периодически участвую, в тендерах, в которых я участвую по государственным контрактам. И я знаю, что у меня годовая программа приблизительно 500 миллионов рублей, и установите на меня этот лимит. А когда мне будут нужны гарантии, как правило, конкурс

объявляется достаточно быстро, я должен прийти к вам и быстро ее получить в течение одного дня.

Я устанавливаю лимит 500 миллионов, притом гарантии я еще не выдал. Завтра ко мне приходит господин Сафронов и говорит: резервы, 20 %. Хотя как учитывать, на каких счетах баланса. Резервы. Это написано в акте проверки Банка России. И так далее.

Поэтому я предлагал бы развернуть дискуссию и посмотреть на устойчивость банковской системы с точки зрения нашей заботы о клиенте, нашего реального контроля, реальных рисков, которые мы получаем по клиентам.

Да, конечно, в банковской системе России есть и жулики, есть и люди, которые выводят средства, есть манипулирование. Все это есть, и с этим надо бороться. Ну, давайте говорить не только об этом, а говорить и в том числе о клиентах. Спасибо.

(Аплодисменты)

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Владимир.

В.А. САФРОНОВ

Ну, после таких бурных аплодисментов что-то сложно возразить. Я не буду подробно отвечать, я думаю, это все же не место. Скажу только по поводу, господина Манойло затронул много вопросов. Отвечу на один в качестве примера. Надо внимательно читать нормативные документы Банка России, где, например, черным по белому написано, что регистрация клиента по месту массовой регистрации является только одним из признаков, и Банк России всегда, когда оценивает реальность деятельности клиента, всегда берет в совокупности. Поэтому я попрошу не передергивать на предмет того, что придет Сафронов и оценит. Приходит рабочая группа и оценивает исходя из нормативных требований Банка России. Это в частности. А в целом. Коллеги, а я вот хочу вам напомнить, как совсем недавно до кризиса некоторые представители банковского сообщества активно призывали регулятора быть взвешенными осторожным при выполнении своей регулирующей функции и не мешать экономическому росту. Потом когда кризис все же грянул, эти призывы как-то сами собою утихли. И это понятно, потому что на смену страстному желанию экономического роста пришло гораздо более сильное желание выжить, желание устойчивости. Сегодня я чувствую, что опять эти призывы восстанавливаются. Как мне кажется, призыв к регулятору быть более взвешенным с точки зрения рисков, он неуместен. Главная функция регулятора – консервативно оценивать риски, потому что если регулятор это делать не будет, эти риски будут накапливаться и реализовываться, что, в конечном счете, приведет к определенным негативным, а в ряде случаев катастрофическим последствиям для экономики страны в целом.

Какая у нас короткая память? Не прошло и года, а мы опять считаем, что регулятор излишне жесток. Позвольте не согласиться. Практика инспекционной деятельности говорит нам о другом. Риски существенные. К сожалению, пока кредитные организации не имеют культуры самоограничения эти рисков.

Спасибо.

Г.А. ТОСУНЯН

Я хочу сказать, Владимир Алексеевич, что вы не правильно упрекаете в том, что мы отказались от тезиса развития даже в кризисный период. Я это в свой огород камешек воспринял. Мы об этом говорили и в 2008, и в 2009, и в 2010, а в 2011 года от антикризисных мер стали отказываться, хотя на самом деле мы перманентно находимся в кризисе, поэтому как раз антикризисные меры были хороши тем, что центральный банк оказал соответствующую поддержку системе, фактически приведя свою надзорную деятельность в соответствие с реальными потребностями. Но почему-то это было сделано только в острую фазу кризиса, а потом создалось ощущение, что все так благополучно, что можно

опять вернуться к более такой строгой системе надзора.

И вопрос не в том, что мы не согласны с консервативным подходом Центрального Банка. Безусловно, надзорный орган должен быть консервативен. Надзорный орган должен очень много этому внимания уделять. Но дифференцированность подхода для нас была очень важным показателем. Потом дифференцированность и неотвратимость, допустим, в отношении одиозных участников рынка, а не распространение. Вы понимаете, мы много раз подчеркивали, что Центральный банк один из самых, в нашей системе координат, один из самых эффективно работающих надзорных органов, поэтому здесь нельзя сказать, что мы недооцениваем роль и позитивный консерватизм Центрального банка. Но все-таки это в нашей системе координат такие преимущества вы имеете. Но все равно менталитет российского надзорного органа, который считает, что надо применить максимум консерватизма и надзора по отношению ко всем участникам, при этом оказывается, что даже в кризисный период доступ к антикризисным поддержкам был у ограниченного участника рынков. Доступ в нормальной жизни к соответственно каким-то послаблениям все-таки у крупных участников рынка оказывается большим, хотя они как раз и несут в себе системные риски. А средние участники рынка они системных рисков не несут, но зато надзорное давление испытывают в полной своей красе. И это как вы ни рассказывайте, вот это общая болезнь нашего общества, она имеет место быть, начиная от автомобильных дорог, ЖЭКов, любого уровня бюрократии, хотя, естественно, что на уровне руководителей Центрального банка или другого ведомства культура существенным образом уже изменилась и менталитет тоже меняется. Но мы оцениваем не просто верхний уровень и не ментальность отдельно взятых руководителей, а мы оцениваем инертность и вот эту вот ориентированность на подавление системы. Понимаете?

Отдельно взятый гаишник – он тоже очень приличный человек. Во многих случаях. Действительно очень приличный семьянин и родственник, и брат, и муж. Но когда он в системе, он не может себя иначе вести, потому что сама система говорит «нет». Завтра же эффект Алексеева, синдром Алексеева. Потому что завтра придут и меня же будут упрекать: а почему ты вот его не остановил, не оштрафовал, не наказал?

Нам нужно изменить, мы союзники в этом вопросе, нам нужно изменить, а не друг на друга все время перекидывать проблему, считая, что мы рьяные сторонники развития, а вы должны быть только рьяными сторонниками стабильности. Мы оба заинтересованы в стабильности и в развитии. Но давайте делать одно не в ущерб другому. Но это, правда, на уровне общих фраз остается, потому что на конкретных примерах надо рассматривать вот эту вот сетку. В данном случае эти действия способствуют, действительно, достижению развития или они способствуют достижению авантюризма. Самое интересное, на конкретных примерах мы вполне достигаем взаимопонимания, поэтому что мы тут воюем друг с другом, я не знаю.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Михаил, пожалуйста.

М.И. СУХОВ

Я хотел бы Владимира Алексеевича поддержать. Потому что можно на самом деле, в «Мастере и Маргарите» помните, когда с раздеваниями? Там тоже все начиналось с бурных аплодисментов в зале, а чем все закончилось? Можно вечером по дороге в Москву перечитать.

Если серьезно говорить на эту тему, то уровень резервов в банковском секторе с начала года, я наизусть цифру не помню, но сильно отстает от роста кредитного портфеля. Может быть, кредитный портфель лучшего качества, может быть, тут надо всем подумать? На фоне такой статистики говорить о том, что требования регулятора мешают нормально выдавать кредиты... Естественно, мир не совершенен, и все должны исправлять несовершенство. Банкиры должны исправлять свои несовершенства в практике стандартов кредитования, и регулятор двигается вперед к международным стандартам. Просто режим исправления несовершенства, на мой взгляд, должен быть профессиональный и взвешенный.

И рассматриваются, прежде всего, финансовые аргументы, связанные с уровнем рисков и так далее.

БОНГАРТЦ ЙОРГ

Спасибо. К сожалению, дамы и господа, у нас времени совсем нет. Могли бы, конечно, долго продолжить эту дискуссию, плавно переходить на следующую сессию. Давайте некоторые итоги с моей стороны. Эта дискуссия сегодня показала, что мы все находимся в фазе, когда надо найти ответы на много еще вопросов. Есть огромная неуверенность со стороны клиентов, как правильно их обслуживать, как их держать, как восстанавливать доверие клиентов к банкам. Те же вопросы у инвесторов. И, конечно, общественные вопросы вокруг этого. Есть шансы, возможности выходить более сильными из этого кризиса. Думаю, что да. Есть место и для крупных банков. Крупные банки остаются крупными. Есть определенные секторы в банковской системе, которые только крупными банками можно эффективно и за низкие расходы осуществлять, расчетный операции как один пример или новые технологии.

Банк будущего, наверное, должен быть наиболее консервативно рефинансироваться. У него должна быть подушка, адекватная ликвидности. Мы, к сожалению, не могли сегодня очень подробно остановиться на теме депозитов, но борьба вокруг депозитов, естественно, она уже началась, и вопрос, как это все будет развиваться дальше. Но в этой ситуации, мне кажется, банки будут выходить более устойчивыми, и у нас более крепкая система, которая в дальнейшем, опять возвращаясь на российскую ситуацию, будет в состоянии адекватно сопровождать экономический рост и предоставить те ресурсы, те продукты, которые нужны для развития экономики здесь.

Я получил огромное удовольствие в этой дискуссии сегодня. Спасибо всем участникам за откровенные слова. Вам спасибо за внимание.